

Татьяна
Замировская

Некоторые вещи уже произошли

рассказы

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-23

Дизайн Елизаветы Корсаковой

В оформлении переплета использована картина белорусского художника Василия Почицкого (1967–2024) «Ошибочная формула» (находится в частной коллекции).
Изображение предоставлено ХО-галереей

Книга издана при содействии
Литературного агентства «Вимбо»

Замировская, Татьяна Михайловна.

З-23 Некоторые вещи уже произошли : рассказы / Татьяна Замировская. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. — 509, [3] с. — (Классное чтение).

ISBN 978-5-17-177750-0

Татьяна Замировская — писательница и журналистка, автор бестселлера «Свечи Апокалипсиса», романа «Смерти.net», сборников «Земля случайных чисел», «Воробьиная река» и «Жизнь без шума и боли».

«Некоторые вещи уже произошли» — сборник рассказов, написанных в 2020–2025 годах, о катастрофических обстоятельствах и о том, как они воздействуют на память, речь, язык и идентичность. А еще — о тревожном расстройстве. Потому что всякий раз, когда происходит то, чего мы, тревожники, так боялись, нам парадоксальным образом становится чуть легче. Возможно, это книга о том, как преодолевать страх и оставаться человеком даже там, где нет больше сил им быть.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Замировская Т., текст
© Почицкий В., наследники, иллюстрация
© Корсакова Е., оформление
© ООО «Вимбо»
© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-177750-0

СОДЕРЖАНИЕ

Месяц из тумана	7
Музыка для восемнадцати музыкантов	39
Хлорофилл	67
311	79
Iris	91
Благословлены иметь тебя в своей жизни	115
Маленькая вилка Бога	133
Оздоровительная гимнастика	157
Новый фильтр	164
Я здесь не затем / Трамвай нежелание	173
Help Me, I'm Organic	192
и жизнь прожить, и поле перейти	209
Кк	217
Пощечина	243
Я могу поговорить с живым человеком?	262
Мемуары на пластиковой бумаге	276
Во встревоженном состоянии может укусить	316
Суп Ничто	326
Я не здесь	346
subject: просто назови это мной / требование об опровержении	372
Именно то, чем кажется	379
Некоторые вещи уже произошли	416
Это просто трава	499

МЕСЯЦ ИЗ ТУМАНА

Элеонора проснулась, открыла глаза. Туман, ничего не видно, за окном машины по-прежнему стелился лес, точнее, синяя частокольная полоса ровно плыла назад, и все это был лес.

Рядом с ней на пассажирском сиденье спала маленькая девочка лет пяти, пристегнутая к детскому креслу. Элеонора зажмурилась, снова открыла глаза. Она и выпила-то всего два бокала и не притрагивалась к той сигарете, которую все передавали по кругу, но теперь тут эта девочка.

Элеонора осторожно пошатала детское кресло, девочка заворочалась и забормотала неожиданно взрослыми интонациями:

— Еще нет, еще не надо...

— Проснулась, что ли? — донесся голос с переднего сиденья. Обернулась и посмотрела на Элеонору злым зверьком. Так, еще одна девочка, но постарше, лет одиннадцати. Полна машина детей. Элеонора подумала: с ней-то ничего подобного произойти не могло, но тем не менее вот, случилось непонятное.

— Ты кто? — спросила она девочку.

— Конь в пальто, — ответила девочка и отвернулась.

Продолжал ровно шуметь двигатель, за окном проплывали ночные хлопья тумана, уже немножко взболтанные на коктейльный манер с янтарным, как яичный желток, автомобильным светом.

Элеонора осторожно потрогала водителя за плечо, он, не оборачиваясь, спросил:

— Проснулась? Рано ты. Поспи еще, еще час ехать.

Элеонора не знала этот голос и не знала этого водителя.

Девочек она тоже не знала.

Это были две взрослые девушки вообще-то, возмущенно подумала она, кто их превратил в девочек и зачем? Лиза и Вероника. Как так? Они были на даче Диминого друга, праздновали весеннее равноденствие, Вероника постоянно кричала, что это на самом деле и есть первый день весны, а вовсе не первое марта, как всем кажется, и все закатывали глаза, потому что Вероника уже достала со своими глупыми календарными новостями, преподнесенными с видом научного открытия. Пили, курили эту сигарету по кругу, Элеонора не курила, она всегда боялась потерять контроль над мозгом и разумом, поэтому опасалась всевозможных веществ, этот контроль истончающих. Готовили шашлык, пели под гитару «Гражданскую оборону» и Rammstein. Там еще была чья-то смешная волчья снеговая собака, мохнатая, как воротник. Лиза обнималась с ней на диване и дула ей в треугольное ухо, и Элеонора прикрикнула на нее: собакам нельзя дуть в уши, ты что, не знаешь?

Так, Лиза.

Когда они уезжали, за ними увязалась Лиза. Элеонора не помнила, откуда Лиза взялась. Наверное, одна из подруг хозяина дачи (Элеоноре очень понравился хозяин дачи, Димин друг, принесший ей стакан дымного грога с глухо, как косточка, постукивающей о запотевшие стенки палочкой корицы), а может, чья-то девушка — поссорились из-за ерунды, и решила тоже поехать в город, не оставаться хохотать у камина до утра. Все, конечно, пищали: останьтесь, останьтесь. Но Диме утром надо было на работу, на смену, а Элеонора не могла уехать без Димы, а Вероника вежливо использовала известное дачное правило «Кто на ком приехал, тот на том и уедет». Дима заревновал, он наверняка заметил, как Элеонора смотрела на его друга, немного выпил, это Элеонора виновата, это все тот грог, но сколько там можно выпить? Дима сказал: не пьяный, не волнуйтесь, все нормально будет. Кто не хочет — пусть остается. И кинул гневный взгляд на Элеонору, и она подпрыгнула, словно обожглась, и закивала: да-да, поедem, конечно. Хотя можно было и остаться, там была гостевая комната. Вероника быстро схватила сумку, чтобы ехать с ними (Элеонора мысленно поблагодарила подругу: возможно, Вероника не осталась только потому, что поняла — снова будут ругаться, а она сгладит конфликт; Вероника тут же взгромоздилась на переднее сиденье и объявила, что, поскольку Дима выпил, она будет лоцман, потому как сама она ни-ни, буквально бокал рислинга, а то, что она накурилась, так это обостряет внимание), а вот Лизу она толком не помнит. Лиза сидела на диване, хитрая как лиса, с волчьей собакой в обнимку — звериные се-

стрички. Лиза подожгла свой носок в камине, и запахло человеческим паленым волосом. Лиза в общей суматохе почти незаметно взяла из холодильника молоко и налила себе полный стакан и добавила льда и, позвякивая этой шаткой арктической безмятежностью, проплыла титаником на диван. Лиза вышла в коридор и, впрыгивая в перьевую массу чего-то вроде унт, сказала: мне тоже туда, куда и вы, подвезете. Снежная принцесса, белая ледышка, сама будто вылепленная из тумана. Сколько ей лет? Кто ее притащил, ей хоть восемнадцать есть?

Ехали сквозь туман, Дима молчал, Вероника всю дорогу болтала. Лиза очень внимательно смотрела в окно. Элеонору укачало на заднем сиденье. Она заснула.

А когда проснулась, обнаружила, что едет сквозь все тот же пористый, губчатый туман с незнакомым водителем вместо Димы и двумя незнакомыми девочками.

Наверное, ей подсыпали что-то в вино, подумала Элеонора. Поэтому люди кажутся ей младше себя самих или много старше (это про водителя — она успела заметить его немолодой, помятый сорокалетний профиль).

— Лиза? Вероника? — негромко позвала Элеонора.

— Да, да, Лиза и Вероника, — устало сказала старшая девочка, глядя вперед на дорогу. — Эта песня хороша, начинай сначала. Да, все верно! Я Лиза, а она Вероника. Или она Вероника, а я Лиза. Я обещаю, мы сменим паспорта. Я клянусь. Вот только мне исполнится шестнадцать, я приду такая царица в паспортный стол и скажу: смените меня на Веронику! То-то заживем!

— Даш, ну не начинай, у меня щас голова взорвется, — попросил водитель. — Чо ты злая такая?

— Ну я не могу уже, — сказала девочка. — Так еще час ехать, да? Жопа полная.

— Даша, я тебя прошу, — сказал водитель. — Сейчас ты первая начинаешь, между прочим. Она не начинала вообще ничего. Помолчи, она заснет скоро.

— Ага, а потом проснется, — сказала девочка. — И мне снова придется выбирать, я Лиза или Вероника. Скорей бы уже вырасти и не выбирать.

— Кто вы? — спросила Элеонора. — И что я здесь делаю? Где Дима?

— Давай ты заснешь, и потом. Когда приедем, — сказал водитель.

Элеонора подергала ручку двери. Дверь не поддавалась. Она подергала сильнее, еще сильнее.

— Да еб же твою мать! — закричал водитель.

— Я же тебе говорила, что она снова будет ручку дергать! — завизжала девочка.

Вторая девочка, пятилетняя или младше, проснулась от криков и начала испуганно икать. К ее вискам прилипли маленькие потные рыжие кудряшки. Элеонора посмотрела на нее с брезгливостью, поймав себя на мысли: откуда ей известно, что на ее лице была именно эта эмоция, брезгливость?

Первая девочка начала успокаивать вторую, протянув руку назад куда-то мимо Элеоноры.

— Тихо, тихо, — необыкновенно нежно проворковала девочка. — Чего это сестричка вдруг икает? Может быть, волчок из леса за ней сейчас придет? Когда икаешь, всегда волчок приходит. Волчок натренирован. Его обучали на этом звуке.

Элеонора прикинула: может, Вероника скрывала, что у нее есть младшая сестра — противная, змеистая

и тонкая, как белый чулок, Лиза? И поэтому Лиза за ними и увязалась. Да нет, какая сестра. Просто Лизе понравился Дима — она посматривала на него с дивана, Элеонора это сразу заметила. И когда Лиза увидела, что Дима уходит, — тут же вскочила, расплескавшись в сторону выхода, как опрокинутый стакан молока. Ведь по Элеоноре и Диме не очень-то было понятно, что они пара. Другим их — да, было, но увидит ли посторонний? Ты, Лиза, посторонний, потусторонний, гневно подумала Элеонора. Она даже не надеялась, что Дима останется у нее, когда ее довезет, — обычно он придумывал какие-то гнусные предлоги поехать срочно домой выспаться, и вот Лиза могла в такой ситуации сказать: ой, мне еще немного дальше, Элеонора бы вышла около своего одинокого серого дома, а Лиза поехала бы дальше и осталась у Димы ночевать. И наутро проснулась бы и икала — видимо, все-таки начинала с шампанского, а уже потом молоком его полировала.

Элеонора так рассердилась, что просунула руку под маленькую девочку и больно (почему больно, подумала она, откуда она знает, что делает больно?) ущипнула ее за что-то мягкое, да и вся девочка была в общем-то мягкая, будто вылепленная из теста на каком-нибудь провинциальном пекарском конкурсе.

Девочка завизжала.

— Папа, я так не могу больше! — заорала старшая. — Она снова на нас набрасывается! Давай ее вообще выбросим в лесу! Она нас задушит когда-нибудь!

Элеонора поняла: опасность, ее хотят выбросить в лесу. Она забилась, засуетилась, начала путаться в рукавах.

— Норик, зайчик мой, — сказал водитель. — То, что я тебе сейчас скажу, я уже семь месяцев говорю тебе много раз в день, одно и то же. Пожалуйста, успокойся и послушай меня. Сейчас ты услышишь что-то такое, что полностью перевернет твой мир. Норик, я твой муж Деник. Я тот самый Димин друг, который тебе понравился на той вечеринке. Мы начали встречаться после того, как Дима тебя бросил, поженились через два года, у нас родились две дочери, Дария и Александра, а потом ты заболела, тебе сделали сложную операцию на мозге, чтобы спасти жизнь, и, в общем-то, спасли, но у тебя временно повредилась кратковременная память, поэтому ты помнишь только то, что было десять-одиннадцать минут назад, раньше было десять, теперь чаще одиннадцать, поэтому ты поправляешься, ведь вначале было вообще две-три и ты постоянно переспрашивала, кто я, кто ты и что вообще происходит, и, как только я начинал объяснять, ты на полпути все забывала, а теперь это все как-то продлевается, и мы с тобой и девочками недавно даже начали смотреть мультсериал «Время приключений», потому что там серия длится одиннадцать минут. Все будет улучшаться. Когда закончится последний десятый сезон, ты выздоровеешь и сможешь посмотреть последнюю серию, которая, как мы уже прочитали в «Википедии», длится сорок минут, и там объясняется вообще все. Для тебя это сейчас звучит как полный шок, но, поверь, ты испытываешь такой шок двадцать-тридцать раз в день, по количеству десятиминутки, разбитых периодами сна, который для нас всех, скажем честно, благословение и счастье. И вот еще важное: по какой-то причине

твоя долговременная память остановилась не на тех днях, когда уже обнаружилось, что у тебя в голове огромная сосудистая опухоль, а на вечере, где мы с тобой познакомились, но такое бывает иногда, сказал врач. Тем более что эта опухоль, наверное, еще тогда была, просто совсем маленькая, ее можно было найти разве что на МРТ, но не было же никакого повода делать МРТ, поэтому она вот росла и росла все это время. Это для тебя шок, но поверь, потом все постепенно восстановится. Тебе очень страшно, что ты не помнишь последние двенадцать лет своей жизни, и ты мне не веришь, но тебе всегда одинаково страшно, когда ты слышишь это, потому что всякий раз ты слышишь это впервые и всякий раз не веришь, но и к этому я тоже привык, для меня это рутина, видишь же, как я быстро и спокойно это все проговариваю монотонными интонациями, как реклама по радио. Потому что, Норик, я повторяю все эти слова каждый день много раз с различными вариациями, и я знаю про все твои возможные и невозможные реакции, как правило, они одинаковые, но самая спокойная реакция у тебя тогда, когда я говорю, что это все сегодня уже происходило множество раз, и ты искренне удивляешься и не можешь поверить, но я-то совершенно спокоен, и мое спокойствие тебе передается, потому что я привык, что для тебя каждый день это все в первый раз, не поверишь, даже к этому можно привыкнуть, ко всему в жизни привыкаешь, даже к самому ужасному ужасу, вообще все — дело привычки, так что теперь мое общение с тобой включает этот ритуал знакомства каждый день по кругу, и я, в общем-то, смирился с тем, что ты на меня смотришь впервые

и не можешь поверить, что эти две девки — твои и мои, но да, это наши с тобой девки, они дико классные, поверь, и Дашка тоже классная, ты понимаешь, она так страшно на это все злится, потому что она тебя очень любит и не может до сих пор это принять, детский психолог сказал, что она так защищается — агрессией, она, например, всю дорогу считает, что ты ей просто голову дуришь.

— Боже ж мой, — сказала Элеонора. — Я не верю ни слову, пусть и признаю, что...

— Что у меня действительно есть какой-то провал в памяти, — хором с ней продолжил водитель.

— Да, провал, — закивала Элеонора. — И у меня нет ни одной причины вам верить, но поскольку сама я вспомнить ничего не могу, я...

— Я вам поверю, потому что на данный момент мне проще принять уже навязанную мне картину мира, — хором с ней продолжил водитель. — Норик, милый, видишь же, я знаю сценарий слово в слово! Ты снова не поверишь, но человек, когда думает, что произносит какие-то слова впервые, всегда произносит те же самые слова, которые произносил в прошлый раз, особенно если он забыл про прошлый раз. Я даже думаю написать про тебя книгу или диссертацию, но это надо вначале поступить на психологию, а мне уже сорок два, я старый.

— Сорок два? — в ужасе переспросила Элеонора. И правда, совсем старый. — А что случилось с Лизой и Вероникой?

— Мама, я тебя прошу, перестань про них спрашивать! — заорала девочка Даша. — Каждый сраный день! Просто считай, что ты попала в такую вселенную,